

В прошлом году ушла из жизни известный этнограф, специалист по Средней Азии и Казахстану **Балкис Халиловна Кармышева (1916–2000)**. Последнее время она много болела и не могла активно вести исследования. Тем не менее, в архиве ученого осталось несколько небольших рукописей, которые предлагаются вниманию читателей журнала «Этнографическое обозрение». Среди публикуемых материалов статья с кратким автобиографическим очерком, а также статья, в которой представлены малоизвестные факты из биографии старшего поколения этнографов-среднеазиатов – О.А. Сухаревой, Е.М. Пещеровой, В.Г. Мошковой. В статье о населении правобережной полосы Амударьи автор продолжает свое изучение этнического состава населения юга Средней Азии. Наконец, публикуется статья о последствиях тех насильственных переселений, которые затронули жителей ряда районов региона. Перечисленные работы дают довольно полное представление о том, что волновало последние годы Б.Х. Кармышеву, с какими проблемами она хотела обратиться к научному сообществу.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

К ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1930–1960-е ГОДЫ. ВЫПУСКНИКИ ТУРКЕСТАНСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

В 1985 г. известный археолог и историк науки Борис Анатольевич Литвинский с полным основанием писал: «История этнографического изучения Средней Азии еще не написана. Опубликованы лишь общие обзоры и отдельные статьи, но нет сводного монографического исследования, и материалы для него не собраны. Этот пробел ощущается тем более остро, что история среднеазиатской этнографии – яркий пример огромного вклада прогрессивных русских ученых в изучение исторического прошлого и культуры народов Средней Азии, а в советское время – помощи и участия русских ученых в формировании одного из отрядов местной интеллигенции – этнографов, а затем совместной работы над марксистским изучением проблем этнографии»¹. Приведенное высказывание ученого, увы, еще не устарело, ибо о научной деятельности даже таких видных ученых, как Елена Михайловна Пещерева², Анна Леонидовна Троицкая³, Ольга Александровна Сухарева⁴, Валентина Георгиевна Мошкова⁵, опубликованы лишь краткие сведения. Все они уроженки Средней Азии и получили высшее востоковедческое образование в первом в Средней Азии высшем учебном заведении европейского типа – созданном в Ташкенте в 1918–1920 г. Туркестанском восточном институте, позднее реорганизованном в восточный факультет Среднеази-

атского государственного университета⁶. В предлагаемых очерках сделана попытка добавить к уже имеющимся в литературе данным о жизни и научной деятельности этих ученых материалы, накопившиеся у автора за годы общения с вышеупомянутыми учеными.

Одним из учредителей и руководителей института был Михаил Степанович Андреев⁷, уроженец Ташкента, а другим – Александр Александрович Семенов⁸. Большое содействие им оказывали ученые Петрограда и Москвы, особенно В.В. Бартольд. Примечательно, что большинство выпускников этого периода (помимо перечисленных) еще, например, К.К. Юдахин⁹, А.К. Боровков¹⁰, Р.Л. Неменова¹¹, Н.Н. Ершов¹², А.К. Писарчик¹³ и др. были уроженцами Средней Азии или Казахстана, либо уже в детстве оказались в тех краях. В дальнейшем преимущественно из их среды вышли прекрасные специалисты, сочетавшие в своей деятельности этнографию с лексикографией. Благодаря этому сочетанию мы ныне с благодарностью пользуемся такими замечательными словарями, как «Киргизско-русский словарь» К.К. Юдахина¹⁴, «Узбекско-русский словарь», созданный большим квалифицированным коллективом узбекистанских лексикографов во главе с А.К. Боровковым¹⁵, «Таджикско-русский словарь»¹⁶ (главный редактор Е.Э. Бертельс). Среди составителей последнего – выпускники названного выше Туркестанского восточного университета: Н.Н. Ершов, Р.Л. Неменова и А.К. Писарчик.

Выпускники Восточного университета работали и в музеях. Так, Е.М. Пещерева была сотрудником Главного среднеазиатского музея в Ташкенте со времени окончания университета (1924 г.) до 1929 г.: сначала в должности младшего, затем старшего научного сотрудника и, наконец, заведующей отделом (на этой должности она была до отъезда в 1929 г. в Ленинград). Ольга Александровна Сухарева работу в музее культуры народов Узбекистана в Самаркандском совмещала с педагогической деятельностью. В этом музее в 1935–1939 г. работала и А.К. Писарчик.

1930-е годы могли бы стать еще более плодотворными, если бы не тяжкие испытания, выпавшие тогда на долю народа: коллективизация в сельском хозяйстве, сопровождавшаяся разорением крестьянства, насильственными переселениями и репрессиями. Проводить этнографические исследования в такое время, разумеется, было нелегко. Но знание языка и быта изучаемых народов, соблюдение тонкостей восточного этикета, что было характерно для окончивших восточный факультет Среднеазиатского университета, – все это позволило молодым ученым завоевать симпатию и уважение местного населения и обеспечило полноценность их исследований.

Неменьшие испытания выпали на долю востоковедов, пострадавших в 1930-е годы от сталинских репрессий. Назовем таких выдающихся ученых, как лингвист-полиглот Е.М. Поливанов (1891–1938)¹⁷ и востоковед-тюрколог А.Н. Самойлович (1890–1938)¹⁸. Репрессиям подверглись даже скромные музейные работники – антропологи и этнографы. Одним из них был Федор Артурович Фиельструп (1889–1933), сотрудник этнографического отдела Русского музея¹⁹, а также его близкий друг и коллега Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943), этнограф и палеоантрополог²⁰. Оба окончили Петербургский университет и вместе работали в этнографическом отделе Русского музея.

Здесь я позволю себе сообщить краткие сведения о Федоре Артуровиче Фиельструпе, поскольку его деятельность была тесно связана с работой среднеазиатских музеев: по просьбе последних он во время своих экспедиций в Казахстан и Киргизию приобретал экспонаты и для них, в частности для Главного среднеазиатского музея, где работала Е.М. Пещерева.

В 1918 г. после окончания Петербургского университета Сергей Иванович Руденко (1885–1969), этнограф, а впоследствии известный археолог, знавший Фиельструпа еще со студенческих лет, пригласил его совместно работать в Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран – КИПС (с 1925 г. – Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран) Академии наук

СССР. Фиельструп согласился и, как Руденко, совмещал эту работу с работой в этнографическом отделе Русского музея. Это совмещение было выгодно обеим сторонам: и КИПСу, и Русскому музею. У КИПСы были деньги, а у музея – специалисты. Все статистические и картографические материалы, полученные на местах, в районных и областных учреждениях систематизировались и передавались в КИПС, а этнографические материалы (экспонаты для музейных коллекций, полевые записи, дневники) поступали в музей. Из накопленных Фиельstrupом обширных полевых этнографических материалов он успел опубликовать всего четыре работы: данные по Приуралью²¹, отчет о поездке к киргизам в 1924 г.²², одну обстоятельную статью по скотоводству казахов Западного Казахстана по материалам поездки 1926 г.²³ и статью обобщающего характера «Молочные продукты турков-кочевников»²⁴.

1929 год был примечателен для Фиельstrupа: известный востоковед-тюрколог, академик А.Н. Самойлович, будучи в командировке в Ташкенте, познакомился с Еленой Михайловной Пещеревой, заведовавшей тогда этнографическим отделом Главного среднеазиатского музея и сказал ей, что если у нее есть желание переехать в Ленинград, то он может ей предложить преподавание персидского языка на восточном факультете университета. Елена Михайловна с радостью согласилась, переехала и стала преподавать персидский язык на восточном факультете Ленинградского университета. Вскоре Пещерева и Фиельstrup поженились.

В Ленинграде Е.М. Пещерева по рекомендации Василия Владимировича Бартольда была принята (по совместительству) в Государственную академию истории материальной культуры. Ученый предложил ей работать в его кабинете, куда он и сам ежедневно приходил на несколько часов поработать. Елена Михайловна работала под его руководством по 1930 г.

К этому времени Фиельstrup завершил систематизацию своих полевых материалов по киргизам и с большим воодушевлением приступил к написанию давно задуманной монографии об этносе народа, в то время мало изученном. Но, увы, его замыслам не суждено было осуществиться: 26 ноября 1933 г. Ф.А. Фиельstrup был арестован и 7 декабря скончался от несчастного случая в Доме предварительного заключения²⁵. Был арестован и Б.А. Бонч-Осмоловский, и многие другие музейные работники и ученые Ленинграда²⁶.

Е.М. Пещерева всю оставшуюся жизнь тяжело переживала смерть мужа. Спасала ее лишь работа. Каждое лето во время каникул она ездила в Ташкент, чтобы проведать свою мать, и собрать материалы по ремеслам и особенно по ремесленным организациям не только в Таджикистане, но и в Узбекистане. И только в 1942 г., когда гуманитарные институты Академии наук СССР, в том числе Институт этнографии, были в Ташкенте, его директор С.П. Толстов зачислил Пещереву на должность старшего научного сотрудника и, наконец, она смогла полностью посвятить себя исследовательской работе. В 1947 г. Елена Михайловна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Женское гончарное производство Средней Азии».

Спустя несколько лет Елена Михайловна завершила монографию «Гончарное производство Средней Азии»²⁷, которую она представила Ученому совету Института этнографии АН СССР в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Официальными оппонентами были известные ученые Е.Э. Бломквист, М.М. Дьяконов и А.Ю. Якубовский. Они, исключительно высоко оценив представленную монографию, высказались за присуждение Елене Михайловне докторской степени, что и было единогласно одобрено Ученым советом, а затем и Высшей аттестационной комиссией. Труд этот был высоко оценен и зарубежными специалистами. Известный востоковед, профессор Лондонского университета Владимир Федорович Минорский прислал Елене Михайловне отклик рецензии на ее книгу своего коллеги – профессора Ф.Р. Олчина (F.R. Allchin), в которой ее труд был оценен очень высоко²⁸. В.Ф. Минорский от себя приписал: «Лестно и приятно. Поздравляю» (отклик хранится в архиве Елены Михайловны). Этот труд Е.М. Пещеревой и ныне остается настольной книгой археологов²⁹.

У Е.М. Пещеревой была заветная мечта – написать еще две монографии: «Ремесло и базарная жизнь в городах Средней Азии» и «Жизнь вещей в доме». Материалы для этих работ были ею накоплены, многое продумано и проанализировано, написано несколько статей, но война, эвакуация, а затем затянувшиеся послевоенные трудности не позволили осуществить эту мечту. Елена Михайловна, по ее словам, поняв, что больше писать не может, стала переписывать неопубликованную часть своих полевых записей и успела вычитать перепечатанные на машинке тексты. Эти полевые записи Е.М. Пещеревой хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Еще одним большим знатоком культуры и быта народов Средней Азии была Ольга Александровна Сухарева (1903–1983), уроженка Самарканда³⁰. Большинство приведенных ниже биографических сведений записаны от ее дочерей: Елены Рубеновны Акбальян и Марианны Рубеновны Смирновой.

Отец Ольги Александровны, Александр Александрович Сухарев (1878–1918), был инженер-строитель, а мать (1874–1948), окончив гимназию, стала преподавать музыку в детском доме. Родители были родом из Уфы. В Туркестанский край был направлен отец матери Ольги Александровны, врач. Родители О.А. Сухаревой обосновались в Самарканде.

Когда Ольга Александровна училась в университете в Ташкенте, практику по таджикскому языку проходила в Уратюбинском районе, и на основании собранных материалов написала свою первую этнографическую работу – статью «Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан»³¹. Во время летних каникул О.А. Сухарева работала на сельскохозяйственной станции под Самаркандом, где управляющим был друг ее отца. На этой станции она могла разговаривать с таджиками, что было хорошей практикой для студентки восточного факультета. С вопросами она обращалась и к отцу, а после его смерти в 1919 г. Сухарева составила для себя грамматику таджикского языка.

Окончив Восточный университет в Ташкенте в 1925 г., Ольга Александровна вернулась в Самарканд и ряд лет занималась педагогической деятельностью: преподавала таджикам их родной язык в средних и высших учебных заведениях Самарканда и Ташкента по учебникам, ею самой написанным. Переводила она на русский язык и художественную литературу, в частности произведения таджикского писателя Садреддина Айни, с которым была лично знакома. Позднее, в 1934–1946 г., О.А. Сухарева работала в Самарканде в Государственном музее истории культуры и искусства³² и стала знатоком материальной культуры таджиков³³.

В отличие от многих этнографов своего поколения О.А. Сухарева большое внимание уделяла изучению городского населения. Ее книги: «К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки)»³⁴, «Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность»³⁵, «Бухара. XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население)»³⁶, «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов)»³⁷ – достойны самой высокой оценки.

Не осталась в стороне и духовная жизнь местного населения. Этой теме посвящены статья О.А. Сухаревой «К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков»³⁸, научно-популярная брошюра «Ислам в Узбекистане»³⁹ и ряд других работ.

С 1946 по 1967 г. О.А. Сухарева работала в Ташкенте в Институте истории и археологии Академии наук УзССР в должности старшего научного сотрудника, а затем ряд лет заведовала сектором этнографии. В 1968 г. О.А. Сухарева переехала в Москву к одной из дочерей и до конца дней работала в Институте этнографии АН СССР. В последующие годы наряду с монографией «История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.)»⁴⁰ она опубликовала ряд содержательных статей⁴¹.

О.А. Сухарева была человеком большой доброты и большой требовательности и к

себе, и к людям. Она отдала много времени и сил редактированию работ своих коллег и аспирантов.

Ольга Александровна была не только крупным ученым, но и заботливой матерью и бабушкой: успевала кроить, шить, вязать, вкусно готовить, печь пироги, принимать гостей. Никогда не жаловалась на трудности жизни и не роптала. Ушла она из жизни, очень недолго проболев, тихо, никому не будучи в тягость, оставив нам бесценное наследство – свои труды.

Еще одним замечательным этнографом, окончившим Среднеазиатский восточный институт, была Валентина Георгиевна Мошкова (1902–1952), уроженка города Скобелева. Приведенные ниже сведения биографического характера получены мною от ее дочерей: Оксаны Ивановны Гордеевой, сотрудницы Томского университета, и Олеси Ивановны Галавиной, живущей в Харькове, а сведения о научной деятельности Валентины Георгиевны взяты из предисловия Анны Сергеевны Морозовой к книге В.Г. Мошковой «Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX вв.»⁴².

Отец Валентины Георгиевны Мошковой, Георгий Прокофьевич Мошков, был управляющим хлопкоочистительными заводами предпринимателя Корзинкина, выходя из Центральной России – слыл очень работающим, организованным и умным человеком, что позволило ему дослужиться до этой должности.

Мать В.Г. Мошковой, Валентина Александровна Красницкая – дочь актеров первого в Средней Азии русского драматического театра, приехавшего в Ташкент из Краснодарского края во второй половине XIX в., – была довольно образованной женщиной: хорошо знала немецкий и французский языки, училась в свое время живописи в Москве, но была вынуждена расстаться с этим занятием из-за ухудшения зрения. После замужества она посвятила себя семье и в трудные годы всегда была опорой двум дочерям, которые отвечали ей глубоким уважением и горячей любовью⁴³.

В.Г. Мошкова, окончив гимназию, а затем в 1925 г. Восточный университет в Ташкенте и, как писала А.С. Морозова, «временно работая в системе промысловой кооперации по изучению народных промыслов, познакомилась с ковроделием и с тех пор интерес и любовь к ковроделию ... пронесла через всю жизнь»⁴⁴. О причине этой глубокой привязанности В.Г. Мошкова рассказала археологу Б.А. Литвинскому, когда он, будучи аспирантом профессора М.Е. Массона, в 1946 г. участвовал в работе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции в составе пятого отряда, начальником которого была В.Г. Мошкова⁴⁵. А Б.А. Литвинский поведал об этом автору данного очерка.

Во время экспедиции в Самаркандскую обл. к отряду В.Г. Мошковой присоединился специалист по ковроделию из Ашхабада художник Иван Иванович Галавин. В Ашхабаде он работал в экспериментальной ковровой мастерской «Ковер союз», организованной в 1926 г. Он был уроженцем Западной Украины (из-под Львова) и оказался вдали от родины в связи с тем, что его отец, сельский священник, был репрессирован. Молодые люди полюбили друг друга, поженились, растили двух дочерей и продолжали увлеченно изучать ковроделие народов Средней Азии, объездив многие ковродельческие районы. Но в 1937 г. И.И. Галавина арестовали, и семье никаких сведений о нем в то время получить не удалось. Только с наступлением «оттепели», уже после кончины В.Г. Мошковой, на повторный запрос ее младшей дочери Олеси Галавиной сообщили, что И.И. Галавин умер в 1946 г. от рака.

Уже после смерти Мошковой самый близкий друг ее, уроженка Ферганы, тоже окончившая Восточный институт в Ташкенте, Анна Сергеевна Морозова⁴⁶, разобрала ее архив и подготовила к изданию монографию о коврах Средней Азии. При этом недостающие разделы были дополнены материалами самой А.С. Морозовой, участницы экспедиций, В.Г. Мошковой, а также материалами этнографа Михаила Филипповича Гаврилова⁴⁷.

Ценность труда В.Г. Мошковой в том, что он создан историком и этнографом в одном лице. А.С. Морозова совершенно справедливо отмечает: «Основной интерес

В.Г. Мошковой, историка-этнографа, был, естественно, сосредоточен на вопросах культурно-исторического и практического характера. Искусствоведческие описания сделаны недостаточно полно. Не удалось восполнить этот пробел и при подготовке материалов к печати, так как для более полного и профессионального освещения искусствоведческих вопросов потребовалось бы специальное исследование. Однако все это не снижает ценности публикуемых материалов. Представленные в книге В.Г. Мошковой данные позволяют будущим исследователям использовать их в любом аспекте»⁴⁸.

Примечания:

¹ Литвинский Б.А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. Душанбе. 1985. С. 132.

² Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1977. С. 23–25; Азимджанова С.А., Ахмеджанова З., Лунин Б.В., и др. Елена Михайловна Пещерева (1897–1985) // Обществ. науки в Узбекистане. 1985. № 3; Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-ое изд., перераб. и доп. Кн. II. М – Я. М., 1995. С. 232–233; Синицина Л. Табаррук. Душанбе. 1986. С. 31–175.

³ Чехович О.Д. Анна Леонидовна Троицкая (К семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 228–229; Лунин Б.В. Указ. раб. С. 172–174; Милибанд С.Д. Указ. раб. С. 504.

⁴ Лунин Б.В. Указ. раб. С. 157–160; Узбек совет энциклопедияси. Т.10. Тошкент, 1978. С. 504; Жданко Т.А., Кармышева Б.Х. Ольга Александровна Сухарева // Советская этнография (далее СЭ). 1983. № 6. С. 158–162.

⁵ Морозова А.С. Предисловие к кн.: Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX вв. Материалы экспедиций 1929–1945 годов. 1970. С. 5–6.

⁶ Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душанбе: 1973. С. 81–125; Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 88–95; Указ. раб. Кн. I. С. 73–74.

⁷ Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Указ. раб. С. 222.

⁸ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). М., 1971. С. 67–96; Лунин Б.В. Историография общественных наук... С. 338–345; Милибанд С.Д. Указ. раб. С. 381–383.

⁹ Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки... С. 325–328; Милибанд С.Д. Указ. раб. С. 680–681.

¹⁰ Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки ... Т. I. С. 124–126; Милибанд С.Д. Указ. раб. Кн. I. С. 183–184.

¹¹ Неменова Роза Львовна (10.09.1910–21.12.1988), уроженка Ферганы, окончила восточный факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте. Помимо участия в составлении Таджикско-русского словаря (М., 1954) ею опубликованы диалектологические и этнографические работы: Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956; Шеваи чанубии забони тоҷики (фонетика, лексика). Чилди I. Душанбе, 1980 (в соавт. с Г. Джураевым). Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. I. Душанбе, 1966 (разделы «Население», «Селение»; Селения Варзоба // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 77–89; Народные представления, связанные с рекой Вахш // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985, С. 98–106; К сложению таджикского населения среднего течения бассейна реки Вахш // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. С. 41–55.

¹² Список научных работ и публикаций заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, кандидата исторических наук Н.Н. Ершова // История и этнография народов Средней Азии (Сборник статей), Душанбе, 1981. С. 150–153.

¹³ Список научных работ и публикаций А.К. Писарчик (на 1 мая 1985 г.) // Этнография Таджикистана. С. 143–148.

¹⁴ Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965; Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки ... Т. II. С. 325–328; Милибанд С.Д. Указ. раб. С. 680–681.

¹⁵ Узбекско-русский словарь. Свыше 40 000 слов. М., 1959; Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки... Т. I. С. 124–127; Милибанд С.Д. Указ. раб. С. 183–184.

¹⁶ Таджикско-русский словарь. М., 1954.

- ¹⁷ Лунин Б.В. Историография общественных наук. С. 287–294; *Милицанд С.Д.* Указ. раб. Кн. II. С. 254–256. Е.М. Поливанов расстрелян 25 января 1938 г.
- ¹⁸ Лунин Б.В. Историография общественных наук. С. 325–332; *Милицанд С.Д.* Указ. раб. Кн. II. С. 359–361. А.Н. Самойлович расстрелян 13 февраля 1938 г.
- ¹⁹ *Кармышева Б.Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф.А. Фиельструпа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. X. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 114. М., 1988. С. 38–62.
- ²⁰ *Бонч-Осмоловский Г.А.* Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л., 1954. С. 388–395; *Аишин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов: 1930-е годы. М., 1994. С. 38–40, 64–69, 86.
- ²¹ *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1926.
- ²² *Фиельструп Ф.А.* Исследования среди кара-киргиз // Государственный русский музей. Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1925. С. 47–53.
- ²³ *Фиельструп Ф.А.* Скотоводство в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. Матер. Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Л., 1927. С. 78–107.
- ²⁴ *Фиельструп Ф.А.* Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Сб. статей антропологического отряда казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Исследование 1927 г. Матер. Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 15. Сер. Казахстанская. Л., 1930. С. 263–301.
- ²⁵ *Аишин Ф.Д., Алпатов В.М.* Указ. раб. С. 86.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Пеищерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Том XLII. М.; Л., 1959.
- ²⁸ *Allchin F.R., Peshchereva E.M.* Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii // Tr. Instituta Etnographii im. N.N. Mikluho-Maklajaja. T. XLII. Moscow; Leningrad, 1959.
- ²⁹ *Антонова Е.В.* О некоторых сторонах семантики сосудов древних земледельцев Передней и Средней Азии в свете этнографических параллелей // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфия). Душанбе, 1987. С. 45–51.
- ³⁰ Лунин Б.В. Библиографические очерки... Т. II. С. 157–160; *Узбек Совет энциклопедияси.* Т. 10. Тошкент, 1976. С. 452; *Жданко Т.А., Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 158–162.
- ³¹ *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан // Сб. науч. кружка при востфаке САГУ. Вып. 1. Ташкент, 1928. С. 73–89.
- ³² *Садыкова Н.С.* Музейное дело в Узбекистане. Ташкент. 1975. С. 120, 161, 182.
- ³³ *Сухарева О.А.* Художественные ткани. Набойка. Вышивка. Тюбетейки. // Народное декоративное искусство советского Узбекистана. (Ташкент, 1954). С. 15–41, 43–61, 101–146, 147–166.
- ³⁴ *Сухарева О.А.* К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент, 1958.
- ³⁵ *Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962.
- ³⁶ *Сухарева О.А.* Бухара XIX – начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
- ³⁷ *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
- ³⁸ *Сухарева О.А.* К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков // Памяти Михаила Степановича Андреева. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. СХХ. Сталинабад, 1960. С. 195–207.
- ³⁹ *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- ⁴⁰ *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1982.
- ⁴¹ *Сухарева О.А.* Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. 1983. № 6. С. 67–79; Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX – начале XX в. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 203–212; Рисала как исторический источник // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока.

М., 1984. С. 201–215; Потомки Ходжа Ахрара // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 157–168.

⁴² *Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Материалы экспедиций 1929–1945 годов. Обработаны, дополнены и подготовлены к печати кандидатом исторических наук А.С. Морозовой. Ташкент, 1970.

⁴³ Из письма дочери В.Г. Мошковой Олеси Ивановны Гордеевой. Хранится в архиве Б.Х. Кармышевой.

⁴⁴ Предисловие А.С. Морозовой к кн.: *Мошкова В.Г.* Указ. раб. С. 5.

⁴⁵ *Литвинский Б.А., Мошкова В.Г.* Изучение Така-Языра, Дуруна // Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 1. Ашхабад, 1949. С. 276–325.

⁴⁶ *Морозова А.С.* // Узбек совет энциклопедияси. Т. 7. Тошкент, 1976. С. 371.

⁴⁷ *Лукин Б.В.* Михаил Филиппович Гаврилов // *Историография общественных наук.* С. 146–148.

⁴⁸ *Морозова А.С.* Предисловие к кн.: *Мошкова В.Г.* Указ. раб. С. 6.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

ИЗ ОПЫТА МОИХ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТАДЖИКИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ В 1960–1980-е ГОДЫ

К полевой этнографической работе я была подготовлена самой жизнью. Родилась я в татарской семье в г. Кульдже, в Синьцзяне, где прошли первые десять лет моей жизни. Там наша семья жила в тесном общении как с местным населением (уйгурами, казахами, дунганями), так и с пришлыми народами, особенно с русскими и немцами. В 1926–1932 гг. в связи со служебными обязанностями отца мы жили в Москве, а затем в Андижане и Ташкенте. В двух последних городах мы жили в их старой части, среди узбеков, в тесном общении с ними. Кончив русскую среднюю школу и проработав ряд лет (затянувшиеся поиски занятия по душе), я поступила на исторический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте. Там на кафедре археологии, руководимой проф. М.Е. Массоном, мне посчастливилось слушать лекции таких знатоков Средней Азии, как А.А. Семенов, М.С. Андреев, Н.Г. Маллицкий, Л.В. Ошанин, Е.М. Пещерева, а также познакомиться с А.К. Писарчик и В.Г. Мошковой.

В 1945 г. в связи с замужеством я переехала в Душанбе и по рекомендации Е.М. Пещеревой стала работать в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР, избрав темой своих исследований тюркоязычное население Южного Таджикистана, что было поддержано М.С. Андреевым. Здесь мне посчастливилось ряд лет работать под руководством А.К. Писарчик, человека редкой душевной чистоты, исключительно требовательной к себе и к людям. Совместные с Антониной Константиновной этнографические исследования в Кулябской обл. в 1948–1949 гг. послужили мне хорошей школой. В 1950 и 1951 гг. я училась в аспирантуре в Ленинграде, в Институте этнографии АН СССР. Научным руководителем моим был Л.П. Потанов, а заботливым другом – Е.М. Пещерева. Она ввела меня в круг своих знакомых и друзей из других научных учреждений: Института истории материальной культуры (ныне Институт археологии), Эрмитажа, Университета. В конце 1951 г., защитив диссертацию, я вернулась в Душанбе.

В 1952 и 1953 гг. я продолжила полевые исследования в Кулябской обл. в составе Хуттальского отряда Таджикской полевой археологической экспедиции, руководимого